

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО АРХИВА“.

I. Князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Пришлите мнѣ, сдѣлайте милость, если можно, съ симъ почталіономъ десяточекъ экземпляровъ бѣлыхъ „Старинной пѣсни“¹⁾. Добрые люди шлютъ мнѣ книги со всѣхъ сторонъ—надобно отдаривать.

Кто такой Прохоровъ, сочинитель драмы „Мастеровой“? Если это первый опытъ молодого человѣка, то мы можемъ поздравить себя съ приобрѣтеніемъ огромнаго таланта.

Вамъ душевно преданный.

Кн. В. Одоевскій.

Вторникъ, 9 Апрѣля 1863 г.

*

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, корректура „съ приличною вашему изданію начинкою“. Извините, что задержалъ: для многаго надобно было рыться въ моей памяти; особенно затруднила меня хронологія писемъ Гоголя.

За нѣкоторыя исключенія не посѣтуйте; они были необходимы... еще бы бѣсъ не радовался и песь хвостомъ не вертѣлъ. О живыхъ нельзя говорить какъ о мертвыхъ.

По причинѣ начинки, усерднѣйше прошу о корректурѣ уже въ страницахъ. Душѣ моей противно являться въ публику неряхою: вѣдь она, какъ справедливо называлъ инвалидъ Скобелевъ, „матушка-командирша“. Ненависть моя къ опечаткамъ такова, что я ихъ поправляю вездѣ, гдѣ ни попадутся, даже въ книгахъ; но рука моя утомилась въ одной недавно отпечатанной въ типографіи Чуксина въ

¹⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г. кн. Одоевскій помѣстилъ съ своими замѣчаніями старинную пѣсню, относящуюся къ насильственному постриженію царицы Евдокіи Лукьяновны. П. Б.

Москвѣ: „Книга чудесъ“, перев. Хотинскаго. Посмотрите курьеза ради, напр., на стр. 16, 17, 21, 29 и проч., гдѣ внесены въ текстъ даже примѣчанія корректора для наборщика; а ужъ техническія, вообще иностранныя слова, безъ милосердія. Эту книгу стоитъ купить для сохраненія.

Всегда душевно уважающій кн. В. Одоевскій.

6 Апрѣля 1864.

*

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, податель сихъ строкъ нашъ извѣстный синологъ Константинъ Андріановичъ Скачковъ. Какъ увидите изъ его записки, у него есть собраніе Китайскихъ книгъ, кои онъ желалъ бы сбыть. Въ Москвѣ нѣтъ Китайскихъ книгъ. Не купить ли ихъ ваша Библіотека? ¹⁾ Цѣна ихъ небольшая и, вѣроятно, владѣлецъ согласится и на разсрочку. Достойно было бы Библіотекѣ Чертковской ввести и эту новость въ ручей нашего просвѣщенія. Какъ бы то ни было, вамъ вѣроятно будетъ пріятно познакомиться съ Константиномъ Андріановичемъ.

Вамъ душевно преданный кн. В. Одоевскій.

24 Сентября 1864.

Парижъ 1863. 20/8 Января.

II. Княгини Е. А. Долгорукой ²⁾.

Долго я не могла собраться въ свою очередь отвѣтомъ на письмо ваше, Петръ Ивановичъ, но не по какой-нибудь прихотливости нрава; а просто потому, что какъ-то особенно не здоровилось; тяжело и грустно было на душѣ все это время. Праздники всегда возбуждаютъ воспоминаніе о всемъ утраченномъ, о всемъ быломъ, чего ужъ нѣтъ, а на

¹⁾ Т.-е. библіотека Чертковская, которою тогда я завѣдывалъ. Конечно предложеніе не могло быть принято; но было пріятно знакомство съ К. А. Скачковымъ (товарищемъ М. Н. Каткова по Московскому университету). Онъ прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ и, подобно Іакинфу Бичурину, сдѣлался лицомъ вылитый Китаецъ. Такъ сильная народность претворяетъ въ себя пришельцевъ. Изъ Китайской письменности въ Чертковской библіотекѣ имѣется Новый Завѣтъ въ Китайскомъ переводѣ. Его подарилъ библіотекѣ преосвященный Гурій Симферопольскій, бывшій настоятелемъ нашей Пекинской миссіи. П. Б.

²⁾ Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая (род. 19 Февраля 1811, † 14 Августа 1872 г.), единственная дочь Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго. Мать ея, родственница и воспитанница княгини Дашковой, была родомъ Исленьева, а дѣдъ по отцу протоіерей и катихизаторъ Московскаго университета Ѳеодоръ Авксентьевичъ. Княгиня походила на него не только умомъ, но и наружностью, крайне невзрачною (какъ видно по гравированному портрету его). Княгиня получила отличное книжное образованіе и еще въ 1818 г. отецъ напечаталъ и издалъ въ Москвѣ переведенную ею на Нѣмецкій языкъ статью свою о памятникѣ Минину и Пожарскому. Впослѣдствіи она подружилась съ Лермонтовымъ, товарищемъ ея мужа князя Рос-

чужой странѣ, между совершенно чуждыми людьми, одиночество въ старости едва ли не чувствительнѣе. Просто, хандра нашла. Спасибо вамъ за доброе и любезное писаніе и за вѣсти о Москвѣ. Если вѣрить слухамъ и газетнымъ статьямъ, то у насъ на Руси все просіяло лучемъ надежды, спокойствія и благоденствія. Дай Богъ! А какъ посмотришь здѣсь на существующій порядокъ послѣ всѣхъ переворотовъ, благородныхъ стремлений и сумасбродныхъ низверженій: то право перестаешь вѣрить въ осуществленіе прогресса. Свѣтло, чисто на улицѣ, обѣды отличные, квартиры разукрашенные, библіотеки, музеи доступны всѣмъ; но вездѣ виднѣется страшная нищета и развратъ рядомъ съ роскошью и фразами о добродѣтели, учтивость вмѣсто чувства, алчность и зависть, общіе двигатели всѣхъ дѣйствій. Нѣтъ, Парижъ мнѣ не по нутру, Германія во сто разъ лучше. Мѣсяца черезъ полтора собираюсь выѣхать посмотрѣть на Италію, главное на Римъ. На-дняхъ происходило здѣсь торжественное *Ouverture des chambres*: кареты, напудренные кучера и лакеи въ атласныхъ кафтанахъ, а солдатовъ неисчисленное число. Умеръ *l'évêque de Paris*; *calamité religieuse* ¹⁾ просто привратили всю въ какую-то театральную; даже покойника нарумянили. Было бы смѣшно, если не было бы такъ грустно и пошло. Но я ужасно разворчалась, извините.

Скажу вамъ лучше про себя. Живемъ мы тихо и покойно, цѣлое утро занимаемся въ лабораторіи и посѣщаемъ лекціи, дочь рисуетъ, а я по утрамъ хожу въ древнія зданія и церкви; по вечерамъ чаще сидимъ дома въ троемъ, а иногда бываемъ въ театрѣ. Вотъ театръ, такъ правда, что прелесть! Наша квартира тоже въ двухъ шагахъ. Гулять есть гдѣ, и гулять можно всю зиму. Погода стоитъ все теплая, много кустарниковъ покрытыхъ листьями, букеты фіалокъ продаютъ на улицахъ. Въ концѣ Юлія ожидаю сюда старшаго сына съ семьей ²⁾. Вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ Алѣшѣ; надѣюсь, что Софья Даниловна здорова, совершенно оправилась и пополнила, поклонитесь ей

тислава Алексѣевича по службѣ ихъ въ Царскосельскомъ лейбъ-гусарскомъ полку, и съ Пушкинымъ, супруга котораго была Московскою подругою ея молодости. Лермонтовъ раскрывалъ передъ нею тайны души своей, а отъ умиравшаго Пушкина не отходила она по цѣлымъ часамъ и, стоя на колѣняхъ у его ложа, слышала его послѣдніе завѣты женѣ и друзьямъ. Повятно, какъ дорого мнѣ было знакомство ея, обратившееся въ дружбу. Подъ очарованіемъ ея бесѣды пропадало впечатлѣніе внѣшней незначности, и съ нею можно было проводить цѣлый рядъ часовъ достопамятныхъ. Живучи въ Швейцаріи, она перевела по французски повѣсть Коханской „Кирилъ Петровъ и Настасья Дмитрова“ и напечатала въ какомъ-то журналѣ. П. Б.

¹⁾ Скорбь благочестія.

²⁾ Князя Владимира Ростиславича съ первою его супругою Полторацкою. П. Б.

отъ насъ, мы часто васъ вспоминаемъ. Увидимся ли еще разъ на бѣломъ свѣтѣ, а все-таки не забывайте и пишите. Что Елагины? Потрудитесь переслать мое письмо Авд. Петровнѣ. Расскажите, что дѣлается у васъ и около васъ. Желаю блестящаго успѣха „Русскому Архиву“. *) Прощайте, будьте въ теченіе новаго года счастливы и здоровы, сколько вамъ того желалось.

Ек. Долгорукая.

III. М. А. Максимовича.

29 Марта 1863 г. М. Гора.

Письмо ваше отъ 9 Генваря, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, давно уже у насъ на Горѣ и порадовало насъ обоихъ извѣстіемъ объ успѣхахъ вашей жизни.

Библиотечарство и редакторство ваше также меня повеселило о васъ, зане вы теперь въ своей тарелкѣ, а это имѣетъ первостепенную важность въ нашей жизни; потому желаю душевно, чтобы вы и оставались на этомъ даже до послѣдней возможности. Говорю это вслѣдствіе опыта надъ собственною жизнію, которую, оторвавши отъ Ботаническаго Сада за Сухаревой, гдѣ бы и быть ей, не улажу даже до нынѣ, даже и на прекрасной Горѣ моей, и все порываюсь ежегодно въ Бѣлокаменную, чтобы тамъ и дожить вѣку.

Объявительнымъ листкомъ о „Русскомъ Архивѣ“ я даже полюбавался; но самага Архива еще не получалъ, а дожидаю съ нетерпѣніемъ. Буду непремѣнно вашимъ сотрудникомъ и вкладчикомъ, вотъ только съ наступленіемъ весны прикоснусь къ моимъ бумагамъ, покрытымъ такимъ слоемъ пыли, что и взглянуть противно, не только братья руками. Такъ именно есть, безъ преувеличенія. Ваши воспоминанія о Пушкинѣ я читалъ съ удовольствіемъ еще въ „Русской Рѣчи“. Не знаю, написать-ли мнѣ о немъ для васъ тутъ, а пока что, не хотите ли взять у М. Н. Лонгинова то мое воспоминаніе о Мицкевичѣ, что я читалъ въ засѣданіи Общества Л. Р. Сл., да и напечатать въ Архивѣ, если годится? Но я все таки напишу или отыщу чтонибудь и здѣсь для вашего изданія, которое я радъ буду получать. Кромѣ „Чтеній“ и „Дня“ ничего современнаго не получаю, уже и не вижу давно. Да еще попросилъ бы я васъ, какъ участника въ Обществѣ Л. Р. Сл., выслать мнѣ его изданія, особенно пѣсни И. В. Кирѣевского, которыхъ имѣю только 4-ый дополнительный выпускъ, по

*) Это былъ первый годъ „Русскаго Архива“.

милости О. Э. Кошелевой дошедшей до меня, вмѣстѣ съ сочиненіями И. В. Кирѣевского, въ подарокъ къ нынѣшнему 1863 году. А что Общество, даетъ ли что и глаголетъ-ли?... Желалъ бы знать.

Вотъ какой я—судите, какъ хотите; и напишу, да не отсылаю... И такихъ непосланныхъ писемъ набралось бы многое множество, еслибъ ежегодно я не предавалъ ихъ уничтоженію.

Уже и весна кончается, а я не дотрогивался до моихъ запыленныхъ бумагъ и книгъ. Раза три принимался писать для васъ о Пушкинѣ, да не клеится, а потому все таки предлагаю вышепомянутую статейку о Мицкевичѣ. Да что же вы не пришлете мнѣ „Архива“ своего?... Можетъ быть, чтеніе его и подвинуло бы меня немедленно посотрудничать, въ знакъ благодарности за него. А когда бы вы взглянули теперь на Днѣпровскую панораму съ Михайловой Горы... Такъ бы и задремали сладко подъ сѣнью облитыхъ, какъ молокомъ, и благоухающихъ акацій, подъ жужжаніемъ пчель, шмелей и всей родни ихъ, берущихъ обильную медовую дань съ этихъ прекрасныхъ и уже большихъ деревьевъ, монми руками насаженныхъ.

Обнимаю васъ крѣпко.

IV. К. И. Жензифова *).

Въ первую мою поѣздку за границу, жилъ я въ Ноябрьѣ 1858 года въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ Шафарикомъ и Эрбеномъ, ходилъ къ Палацкому (одинъ только разъ, такъ какъ онъ держалъ себя высокомерно и увѣрялъ меня, будто наше Запорожское казачество есть учрежденіе Чешское), но сблизился съ Ганкою, который остался для меня до сихъ поръ образцовымъ дѣятелемъ по освобожденію народнаго духа отъ чужеземщины, и по его примѣру старался я потомъ работать въ Москвѣ въ Чертковской библиотекѣ. Мнѣ довелось быть однимъ изъ учредителей Славянскаго Благотворительнаго Общества, и самое разрѣшеніе собираться, подписанное тогдашнимъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Н. В. Исаковымъ, сохранилось въ моихъ бумагахъ. По вызову Общества стали пріѣзжать въ Москву Болгарки и Болгаре, и въ числѣ сихъ послѣднихъ изъ Битоле поступили въ Московскій Университетъ математикъ Константинъ Никочъ Станишевъ и словесникъ Константинъ Ивановичъ Жензифовъ.

П. Б.

*

Повторять ли мнѣ, добрый Петръ Ивановичъ, то, что не разъ я высказалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ? Увѣрять ли васъ въ томъ, что я люблю и уважаю васъ всѣхъ „отъ мала до велика“ искренно и

*) Помѣщаются не въ хронологическомъ порядкѣ, а по отысканію въ старыхъ бумагахъ.

П. Б.

отъ глубины моей души? Я вамъ благодаренъ за многое, которое я только чувствую, но высказать не умѣю. При нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ, при нашемъ короткомъ знакомствѣ, видя, что вы меня принимаете въ вашемъ домѣ не какъ знакомаго, а какъ близкаго родственника, безъ малѣйшихъ опасеній относительно моей честности и пр., и пр., все вышесказанное кажется лишнимъ. Однакожь, я думаю, что вамъ неизвѣстно одно обстоятельство. Это то, что я васъ боюсь. Съ перваго разу моего вступленія въ вашъ домъ я почувствовалъ какую-то боязнь, которая до сихъ поръ не отказалась отъ меня. Но вы не подумайте, именемъ любезнаго Алеши ¹⁾ заклинаю васъ, что это обыкновенная боязнь—т.-е. не принимайте это слово въ дурномъ смыслѣ, потому что эта моя боязнь не разрушающая, а напротивъ, укрѣпляющая мою нравственность, и многіе мои недостатки исчезли подъ вашимъ вліяніемъ. А именно я боюсь въ томъ, заслуживаю ли я вашего вниманія. Не оскорбилъ ли и не оскорблялъ ли чѣмъ нибудь какъ васъ, такъ и душевно уважаемую мною С. Д.? Ей я обязанъ черезъ васъ передать мою глубокую признательность за нѣкоторыя чрезвычайно мѣткія и умныя замѣчанія и совѣты данныя мнѣ ею... Сегодня Иванъ Сергѣевичъ ²⁾ по поводу одного моего выраженія, сказалъ мнѣ, что я скорѣе воспитанникъ вашъ, а не другого... Такъ будьте же моимъ воспитателемъ, моимъ наставникомъ. Представьте себѣ, что у васъ есть племянникъ, который нуждается въ вашихъ совѣтахъ и наставленіяхъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ существуютъ особенныя отношенія младшаго къ старшему, сына къ отцу, племянника къ дядѣ, и т. д. Я желаю узнать отъ васъ, гожусь ли я къ чему-нибудь, или я негодный человѣкъ и пропадашій? Могу ли я и годенъ ли я быть знакомымъ и съ другимъ домомъ, извѣстнымъ вамъ (для моего развитія), если представится случай, или нѣтъ? Вы не щадите меня ради Бога, но просто-за-просто браните меня, когда вы замѣчаете, что я отступаю отъ прямой дороги обязанностей, и не думайте ради Бога, что разсержусь на ваши замѣчанія, да и вообще я не способенъ сердиться. Я убѣжденъ, что человѣка можно исправить, изъ нечестнаго сдѣлать его честнымъ, изъ злого сдѣлать добраго и пр., пока онъ молодъ, а юношеская моя возрастъ еще не прошла. Я довольно дико смотрю на этотъ Божій свѣтъ. Не можете ли вы указать почвы, болѣе для меня благопріятной, болѣе крѣпкой? Мнѣ нужно работать, и работать безъ отдыха, если я хочу успокоить мой раздраженный мозгъ,

¹⁾ Это старшій мой сынъ, умершій 20 Ноября 1864 г. Стихи къ нему Жензифова напечатаны въ одномъ изъ Болгарскихъ изданій. П. В.

²⁾ Аксаковъ.

П. В.

въ которомъ вертятся разные черви. Нѣтъ ли въ вашей библиотекѣ Славянскихъ книгъ, изъ которыхъ можно будетъ извлекать разныя свѣдѣнія неизвѣстныя Русской библіографіи?¹⁾ Вотъ я бы занялся этимъ дѣломъ нешуточно. Впрочемъ, и то сказать, у меня такъ много работы, такъ много, что можно и повредить себѣ. Однакожь, Петръ Ивановичъ, слову и конца нѣтъ, и поэтому остальное доскажу на словахъ когда-нибудь, потому что я странный человѣкъ, чуть ли не чудакъ въ глазахъ другихъ; но, оканчивая письмо, чувствую, что мнѣ легче...

Весь вашъ К. Жензифовъ.

1863 г. Января 25. Москва.

*

Село Васильевское. 1863. Юня 20-го ²⁾.

Немного поздно я принимаюсь за перо отвѣтить на ваше короткое, но многоговорящее письмо. Во-первыхъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я вамъ очень и очень благодаренъ, что вы такъ немедленно исполнили мою просьбу, отправивъ мое письмо къ Іезберу, присовокупивъ къ нему, что слѣдовало, и вѣроятно вы заплатили за него на почту; ибо такимъ образомъ оно вѣрнѣе достигло своего назначенія. Изъ газетъ я узналъ, что уже вышелъ 4-ый № Славѣнина. О, какъ бы вы обязали меня, если бы вамъ можно будетъ достать его; потомъ съ Яковомъ послали бы его къ Ивану Сергѣевичу, а онъ вмѣстѣ съ „Днемъ“ прислалъ бы ко мнѣ. Ворѣпановъ опять расхвалилъ вашъ Архивъ въ „Голосѣ“, который такъ прекрасно и такъ кстати отдѣланъ „Днемъ“. Вашъ Катковъ торжествуетъ, и должно быть онъ находился на вершинѣ своего счастья, удостоившись обѣда въ Англійскомъ клубѣ. Прекрасна его статья о Польшѣ въ „Русск. Вѣстн.“, и вообще его статьи въ настоящее время идутъ „какъ езда ко щамъ“... Теперь перехожу передать вамъ много и лишнее, между которыми, быть можетъ, вкрадется и не лишнее, т.-е. вопреки совѣта даннаго мнѣ вашими домашними не писать и не дѣлать глупостей, я надѣлалъ уже кучу глупостей, и если угодно вашимъ пусть выслушаютъ ихъ, а если не угодно пусть уничтожатъ мое глупое письмо, но вы своимъ письмомъ сказали мнѣ, что ваши такъ и ждутъ описанія моего житья-бытья. Итакъ начинаю. Вы и всѣ ваши уже знаете кое-что о немъ изъ втораго моего письма, и поэтому нечего мнѣ повторять сказанное, т.-е. часы и звонки для чая,

¹⁾ По-моему совѣту Жензифовъ началъ составлять Бѣлорусскій словарь. П. В.

²⁾ Жензифовъ жилъ тамъ для обученія дѣтей графини А. А. Барановой. П. В.

завтрака, обѣда, опять чая тѣже самыя, и погода у насъ таже самая т.-е. прескверная, что ни день, то и переменѣна. Такъ какъ въ продолженіи двухъ и болѣе недѣль главнаго моего хозяина*), съ которымъ вы безъ сомнѣнія видѣлись, не было при насъ, то я имѣлъ нѣкоторую возможность жить по возможности по моимъ понятіямъ, другими словами, я имѣлъ возможность нападать и возражать на все то, что мнѣ казалось гадкостію, внѣшнею полировкой т.-е. образованностію по нынѣшнему понятію, которая, сколько я понимаю, ужъ рушилась, но все-таки не совершенно, еще не искоренилась. Во-первыхъ, меня бѣситъ эта глупая привычка говорить на иностранномъ языкѣ, и то не съ иностранцами, а со своими домашними, съ сестрою, съ дѣтьми и пр. безъ всякой необходимой надобности, такъ что, говоря по русски приходится слушать, извѣстное лицо, коренное Русское затрудняется, даже хуже меня, при передачѣ мыслей, и спрашиваетъ какъ по русски перевести такое-то Французское или Нѣмецкое слово. Еще существуетъ какое-то пренебреженіе своимъ роднымъ языкомъ, какое-то неотчетливое, бессознательное хладнокровіе къ своему родному языку. Мои хозяева до того хохочутъ, когда я возражаю противъ всякой иностранной привычки говорить или ѣсть, или сидѣть, или быть съ головою, по образу такого-то образованнаго общества. Вѣдь пріѣхалъ же къ намъ какой-то знаменитый Англичанинъ Лонгъ (по моему обыкновенный человѣкъ какъ и всѣ люди), и ему все позволяется; т.-е. онъ ѣсть и пьетъ, какъ ему угодно, спитъ, какъ ему угодно, одѣтъ, какъ ему хочется, съ галстукомъ или безъ него, съ рубашкою или безъ нея—все равно. А сдѣлай кто-нибудь изъ насъ тому подобное, т.-е. явись къ обѣду безъ галстука, и то безъ всякаго умышленія, и бѣдный удостоится разныхъ замѣчаній и пр. и пр... Меня тревожитъ мысль: почему этотъ Англичанинъ говоритъ только на своемъ родномъ языкѣ и заставляетъ трехъ изъ моихъ хозяевъ совершенно отказаться отъ своего? Почему этотъ мистеръ Лонгъ не выучился другому какому-нибудь Европейскому языку, отставляя въ сторону грубый неотесанный нашъ мужицкій языкъ? Или если онъ знаетъ кромѣ своего Англійскаго и другіе языки, извѣстные и моимъ хозяевамъ, то почему этотъ господинъ Лонгъ, и знать не хочетъ о нихъ, а хочешь не хочешь долженъ говорить съ нимъ по англійски, конечно, зная его?.. Но что тутъ толковать объ этомъ, пусть дѣлаетъ каждый какъ ему заблагоразсудится, а когда мнѣ заблагоразсудится не такъ, а иначе, то почему это будетъ глупостію? Всѣ люди глупы, сказалъ Грекъ, кто въ большей, кто въ меньшей степени, вотъ и вся

*) Т.-е. князя Черкаскаго.

разница между умными и глупыми людьми. Уже заранѣе было приказано прислугѣ, что пріѣдетъ гость, что онъ Англичанинъ, что онъ чистоплотный, чтобы не подумали, чтобы, чтобы... дорисуйте сами вы остальное. Пріѣхалъ онъ... но вотъ и вспомнилъ я въ эту минуту Пальмерстона и Редклифа и Турцію и Сербію и Черногорію, и его послѣдній ультиматумъ къ намъ т.-е. къ вамъ о Польшѣ, и сердце мое кипитъ злостію, ненавистью, местію и гнѣвомъ, на всякаго Лонга и прочихъ Англичанъ. Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ всѣхъ, подлыхъ и преподлыхъ государственныхъ мужей Англии, которые ничто иное, какъ ханжи въ отношеніи къ политикѣ, ханжи въ дипломатіи, ложно-религіозные, ложно-либеральные, ложно-гуманные, ложно-человѣколюбивые, ложно-сострадательные, до высшей степени эгоисты... Чортъ съ ними! Я не хочу писать вамъ объ нашемъ Англичанинѣ, хотя онъ совершенно невинный въ этомъ отношеніи...

Вы знаете, что теперь Петровскій постъ. При началѣ его, поднять былъ вопросъ объ этомъ постѣ, и я какъ-то выразился въ пользу поста, и поэтому мы пользуемся постною пищею по Середамъ и по Пятницамъ. Одна изъ здѣшнихъ гувернантокъ, къ несчастію Русская, особа, для которой не могу найти опредѣленія, ибо она не то умная, не то что глупая, не то что хитра, не то дура, однимъ словомъ ни рыба ни мясо, ни къ селу ни къ городу,—удивилась, услышавъ мое согласіе на постное кушанье и мою защиту относительно поста; но она успокоилась, узнавъ, что я сынъ священника, и такимъ образомъ эта гувернантка, которая Богъ знаетъ чему учить дѣтей, т.-е. она ничему не учить ихъ, по моей милости ѣсть постное два раза въ недѣлѣ. Я вамъ уже писалъ, что мои хозяева—люди прекрасные, умные и даже ученые, въ особенности младшая, которую я называю старшей въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ. Есть у моей хозяйки прекрасныя дѣти.

*

Я очень сожалѣю, Петръ Ивановичъ, что вы не оставались вчера вечеромъ подольше у Ивана Сергѣевича; ибо я увѣренъ, что вы бы вывели меня и моего товарища отъ невыгоднаго для меня затрудненія, которое я долженъ былъ скрывать сердца вытерпѣть въ присутствіи N. N., челоуѣка, сидѣвшаго за ужиномъ, гдѣ Болгарское имя никогда еще не было опозорено такъ безчеловѣчно, какъ теперь, и все же, по милости Погодина, и... къ несчастію того лица, передъ именемъ котораго, какъ вамъ извѣстно, я благоговѣю. Я не въ состояніи описать

вамъ все то, что я вчера вечеромъ долженъ былъ почувствовать. Всю прошедшую ночь провелъ какъ сумасшедшій и теперь еще не успокоился. Вамъ случалось ли когда-нибудь видѣть—какъ не женщины, а мужчины? Я сегодня послалъ письмо Погодину, во что бы то ни стало избавить насъ отъ этого незаслуженнаго нами позора, напечатать письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ своего имени, что въ этомъ дѣлѣ совершенно невинно страдаетъ имя Болгарь. Въ противномъ случаѣ, я самъ непременно напечатаю и разъясню все какъ было, хотя я этого не хотѣлъ. Но, что же дѣлать, когда иначе нельзя избавиться отъ позора? Вы бы меня чрезвычайно одолжили, если вамъ возможно, поѣхать къ Погодину и поговорить ему, что онъ долженъ непременно взять назадъ у извѣстнаго ему негодяя бумаги, скрѣпленныя его подписью и подписью Аксакова, въ силу которыхъ онъ позорить насъ... Вчера этотъ негодяй былъ у Кошелева и у Ю. С. Самарина, а сегодня онъ собирается къ Елагину. Вчера за ужиномъ и Кошелевъ и Самаринъ объявили объ этомъ всѣмъ присутствующимъ. Само собою разумѣется, что ни Кошелевъ, ни Самаринъ не виноваты, объ этомъ и рѣчь не можетъ быть. Я самъ принесъ это мое письмо къ вамъ, а силъ не хватило зайти къ вамъ.

Вашъ Жензифовъ.

1863 г. Декабря 7. Москва.

*

Пятница (28 Февраля) 2 ч. пополудни. Москва. 1864 годъ.

Я не знаю, успѣла ли крылатая молва долетѣть до Петербурга и сообщить вамъ новую Московскую новость, которая произвела разнаго шуму и толковъ въ Московскихъ гостинныхъ. Ясно, вы еще не знали объ этой новости, то позвольте мнѣ передать ее вамъ. Въ Середу, т.-е. 26 Февраля въ Петровскомъ паркѣ происходила въ 8 час. утра слѣдующая сцена. Соредакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и профессоръ Московскаго Университета П. М. Леонтьевъ имѣлъ поединокъ съ г. Гончаровымъ. Поводомъ этого поединка была извѣстная вамъ исторія, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о Московской Городской Думѣ. Катковъ, не знаю, чѣмъ и какъ оскорбленный, послалъ къ Гончарову г. Щербальскаго вызвать перваго на поединокъ; этотъ, со своей стороны, принялъ предложеніе. Дрались же на пистолетахъ Гончаровъ и Леонтьевъ. Секундантомъ Леонтьева былъ Щербальскій, а Гончарова—Пушкинъ-сынъ (т.-е. Пушкина). Итакъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ 8 часовъ утра, отмѣривъ 15 шаговъ разстоянія, стали враги другъ противъ друга. Стрѣлялъ первый Гончаровъ, котораго выстрѣлъ вышелъ невѣренъ, т.-е. промахнулся; пришла оче-

редь Леонтьеву, котораго оружіе не выстрѣлило, т.-е. пистолетъ осѣкся. Въ это время секунданы предложили враждующимъ сторонамъ примириться; предложеніе было принято и тѣмъ и другимъ, и такимъ образомъ оба они остались въ живыхъ и возвратились во свояси невредимыми... Вчера же Катковъ напечаталъ, что онъ совершенно удовлетворенъ, но не сказалъ, что и другая сторона удовлетворена, вслѣдствіе чего надобно ожидать новаго объясненія въ Московскихъ газетахъ объ исторіи дуэли и всего происшествія... Можетъ быть, поединокъ дѣло хорошее, но, по моему мнѣнію, онъ ясный признакъ и свидѣтельство того, что онъ самъ себя обманываетъ, говоря, что у насъ (въ Европѣ) есть просвѣщеніе, когда я рѣшаюсь лишиться жизни другого, лишь бы мнѣ не сознаться въ чемъ-нибудь... Но я не хочу больше распространяться объ этомъ, ибо я ушелъ бы слишкомъ далеко. Все таки меня удивляетъ дружба Леонтьева съ Катковымъ: она достойна, или лучше сказать, выше всякой похвалы, и велика...

Вчера же похоронили брѣнное тѣло покойной Вѣры Сергѣевны ¹⁾. Эта процессія тянулась съ 10 час. утра до 3 час. пополудни. О, если бы вы видѣли старушку Великую Аксакію, въ церкви при послѣднемъ цѣлованіи съ безчувственнымъ тѣломъ, то нельзя было не поплакать. Я провожалъ тѣло до самой гробницы; сидѣлъ же со Станишевымъ и съ Иванъ Сергѣевичемъ въ одной каретѣ и когда проѣзжали мимо Кремля, то вдругъ отъ куда ни возмись явился Гильфердингъ. Тутъ я и Станицевъ вышли изъ кареты, пересѣли въ сани Гильфердинга, а этотъ сѣлъ въ карету съ Аксаковымъ. Такимъ образомъ мы доѣхали до Симоновскаго монастыря. Послѣ окончанія всего обряда, когда Великая Аксакія уѣзжала, то приказала одной изъ дочерей своихъ сказать Ивану Сергѣевичу, чтобы онъ непременно взялъ меня съ собой въ своей каретѣ, что и было исполнено. Это меня до того тронуло, что я ея не забуду до послѣдняго моего дыханія. Я за это мысленно отъ всей души молился Богу, чтобы Онъ ниспослалъ облегченіе и утѣшеніе. Повѣрьте мнѣ, что это такъ. Больше я ничего не могъ пожелать ей. Прибавлю еще, что я бы другому не сообщилъ эти подробности...

*

1864. Юня 10 ²⁾. Москва.

Теперь мое Діогенское жилище (я сравниваю его съ прошлогоднимъ жилищемъ въ Васильевскомъ) находится на Спиридоновкѣ, въ

¹⁾ Старшей дочери въ семьѣ Аксаковыхъ.

П. Б.

²⁾ Я проводилъ лѣто 1864 года въ Порѣчѣ, гдѣ занимался бумагами графа Сергія Семеновича Уварова. Живо и благодарственно помню про гостепрѣимство, ко-

домъ Клевезаль, рядомъ съ жилищемъ предоброй матери предобраго сына, т.-е. Аксаковыхъ, которые сегодня перебрались въ свою деревню по желѣзной дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ (имя деревни не припомню, но вы знаете ее), и разумѣется Иванъ Сергѣевичъ часто будетъ возвращаться въ Москву, по дѣламъ „Дня“. Хотя я часто видался съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но обѣдать къ нимъ не ходилъ съ извѣстнаго вамъ времени, и вотъ наша Великая Аксакія удивилась, такъ-сказать, моему упрямству. Разумѣется, какъ только узналъ я, что мое отсутствіе... нѣтъ не то хотѣлъ сказать я, а вотъ это, какъ только узналъ, что Великая Аксакія уже духомъ бодрѣе и сравнительно немного веселѣе, третьяго дня я обѣдалъ у нихъ. Весело было мнѣ смотрѣть на эту мать-старуху посреди четырехъ дочерей и сына, молодца-богатыря, но зачѣмъ этотъ богатырь Русской маски и Русскаго ума, какъ-то не намѣренъ оставить по себѣ такого же богатыря для Русской маски и ума? Его добрѣйшая мать-старуха, которую я уважаю (да кто можетъ или способенъ бы былъ не уважать ее!) отъ всего сердца и души, велѣла мнѣ ѣздить къ нимъ въ деревню какъ можно почаще. Да врядъ ли я поѣду; впрочемъ, быть можетъ, я поѣду разъ или два, ибо въ продолженіи почти-что 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я живу въ Москвѣ, я еще не сподобился видѣть Троицкой Лавры. Чтò за лѣнивая или, справедливѣе сказать, чтò за странная натура у Славянина вообще: онъ или останется равнодушнымъ ко всему, въ томъ числѣ и къ тому, чтò для него родное и близкое, или же онъ совершенно отдатся чужому, заморскому, и всетаки о своемъ и знать не хочетъ...

Если тамъ, въ вашей деревнѣ, получается „День“, то вы безъ сомнѣнія прочли передовыя статьи Ивана Сергѣевича о Нѣмцахъ, Туркахъ, Грекахъ, Болгарахъ и проч. Какъ ни страшны для меня теперь и Турки, и Греки, какъ ни черными кажутся мнѣ и сами мои Болгары, но меня что-то тянетъ туда, какой-то таинственный голосъ все твердитъ да твердитъ мнѣ, что надо ѣхать на родину, несмотря на то, что я напередъ знаю, какого рода жизнь дожидается тамъ меня. Невольное ли это влеченіе, или голосъ совѣсти и мой долгъ этого требуетъ? Всего вѣроятнѣе второе. Такъ и быть. Какъ только сброшу съ себя своего рода Университетское иго, то въ одинъ изъ осеннихъ ненастныхъ дней скажу вамъ прощайте... Да, хотя и говорятъ, что будущее челоуѣка покрыто мракомъ неизвѣстности, но

торое было оказываемо какъ мнѣ, такъ и семьѣ моей въ прекрасномъ Порѣчѣ. Въ Москвѣ дѣла по Чертковской библиотекѣ были мною переданы К. И. Женифому.

П. Б.

я предвижу напередъ свою будущую жизнь въ Болгаріи или въ Македоніи, потому что Болгарская земля вся черная, и вся наполнена всякой мерзости — плодъ вѣковѣчнаго ига, и то, что сказалъ великій Русскій человекъ Хомяковъ о Россіи, то я скажу о Болгаріи, разумѣется съ извѣстными измѣненіями, но ни на волосъ не измѣняя стихотворенія Хомякова. Но кто намъ дастъ очистительнаго сна?.. Но обо всемъ этомъ мы потолкуемъ еще впереди, и я вамъ напишу въ другой разъ, потому что не сейчасъ же я ѣду въ Болгарію или въ Венгрію, а если уѣду, то уѣду осенью, и между тѣмъ мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Московской Семинаріи... Вообще говоря, изъ насъ должны ѣхать на родину трое: я, Караковскій и Боньевъ.

Кстати нѣсколько словъ о Боньевѣ. Вамъ извѣстно, что Боньевъ воспитанникъ графа Уварова. Вчера Боньевъ являлся къ управляющему графа г. Лазаревскому съ просьбой, чтобы Лазаревскій далъ ему деньги въ послѣдній разъ, т.е. деньги для отъѣзда. Лазаревскій сказалъ Боньеву, что онъ не можетъ дать ему деньги безъ разрѣшенія графа; Боньевъ написалъ объ этомъ графу и письмо для доставленія отдалъ Лазаревскому, который сегодня ѣдетъ къ графу. Нѣтъ сомнѣнія, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому выдать Боньеву денегъ въ послѣдній разъ, сколько заблагоразсудится графу. Но я желалъ бы, Петръ Ивановичъ, чтобы вы замолвили словцо графу объ этомъ дѣлѣ при удобномъ случаѣ, потому что очень можетъ быть, что графъ забудетъ распорядиться объ этомъ, а между тѣмъ Боньевъ не можетъ обратиться къ Славянскому Комитету, потому что касса его у добраго Ивана Сергѣевича почти что окончательно опорожнилась, между тѣмъ какъ Ивану Сергѣевичу приходится двоихъ (Желѣзкова и Христовича), окончившихъ курсъ въ Военномъ Училищѣ, въ Москвѣ, отправить черезъ недѣлю на Кавказъ, другого (Карапаевского) въ концѣ этого мѣсяца въ Болгарію, а тамъ черезъ три мѣсяца наступитъ очередь и мнѣ; словомъ сказать, Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно не можетъ выдать денегъ послѣднему воспитаннику графа Уварова. Благородный графъ, истратившій слишкомъ 5,000 руб. сер. для воспитанія четырехъ Болгаръ, безъ сомнѣнія не откажетъ пожертвовать въ послѣдній разъ какихъ-нибудь 150 или 200 рублей. Изъ четырехъ питомцевъ графа одинъ—Поподовичъ находится въ Бѣлградѣ учителемъ Болгарскаго и Русскаго языка; другой—Камбуровъ, юноша съ отличными способностями, въ прошломъ году окончилъ свою жизнь въ Туринѣ, куда былъ отправленъ графомъ для излеченія. Третій—Тодоровичъ (Федоровичъ), годъ тому назадъ отправился въ Болгарію, гдѣ, потерпѣвъ разныя гоненія и неприятели,

бѣжалъ въ Бѣлградъ же, гдѣ и занимаетъ мѣсто учителя, разумѣется въ Болгарскомъ училищѣ; четвертый—это Боньевъ, которому настаетъ очередь уѣхать на родину... Итакъ, несмотря на то, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому снабдить Боньева золотыми или серебряными бумажками, но все-таки ваше слово не будетъ лишнимъ въ этомъ дѣлѣ, при удобномъ только случаѣ. Въ знакъ же благодарности и признательности, какъ его питомецъ, такъ и я, сумѣемъ сдѣлать его имя извѣстнымъ среди Болгаръ; больше нечѣмъ, Петръ Ивановичъ, выражать свою признательность Русскому Славянину-графу...

П. П. Въ прошлое воскресенье, 7-го Іюня, въ церкви Вдовьяго дома освящено было брачное сочетаніе дочери Даля съ Дмидовымъ; шаферомъ былъ Станишевъ ¹⁾.

*

„Вашъ хорошій знакомецъ и образованный человѣкъ“, т.-е. я вчера вечеромъ былъ у Вальгарда ²⁾, съ которымъ побесѣдовалъ не больше 20 минутъ. Такъ какъ вамъ опять придется быть посредникомъ между ними и мною, то я считаю, что необходимо и полезно для той и другой стороны сказать вамъ слѣдующее. Во-первыхъ, онъ читалъ только первую половину вашего рекомендательнаго письма; во-вторыхъ, разговоръ былъ большею частію о моемъ воспитаніи и знаніи. Я ему сказалъ всю правду, т.-е. я до сихъ поръ занимался съ болѣе взрослыми; что я не знаю ни аза изъ новыхъ языковъ; относительно моего нравственнаго поведенія, я сослался на васъ и на Аксакова; относительно знаній, я сослался на нѣкоторыхъ изъ моихъ профессоровъ; я желаю чтобы всѣ вечера Пятницъ и Воскресеній были моими и 4 часа ежедневно посѣщать университетъ, да еще разъ или два раза въ мѣсяцъ побывать въ театрѣ. На вопросъ его „люблю ли я Русскій театръ“, у меня языкъ не вытерпѣлъ, и я ему сказалъ, что я объ этой оперѣ не имѣю и понятія. Вѣдь ему я сказалъ правду. На вопросъ его ходить ли мнѣ къ нему или жить въ домѣ его, отвѣчалъ, какъ онъ считаетъ полезнѣе для своихъ дѣтей. О цѣнѣ не было ни слова, и только мнѣ показалъ дѣтей (ихъ трое) и что съ ними придется заниматься по 6 часовъ въ день. Вотъ и вся сущность моего разговора съ господиномъ Вальгардомъ. Сказавъ мнѣ, что ему на-

¹⁾ Который поодвѣе женился на другой дочери В. И. Даля.

П. Б.

²⁾ Александръ Осиповичъ Вальгардъ, знакомый мнѣ по родному моему городу Липецку (гдѣ отецъ его былъ докторомъ при минеральныхъ водахъ), въ это время богатый Тамбовскій помѣщикъ.

П. Б.

добно повидаться съ вами, я распростился съ нимъ. Слѣдовательно, если онъ явится къ вамъ, то я прошу васъ убѣдительно вотъ что. Такъ какъ никто меня не знаетъ такъ хорошо, какъ вы, я васъ прошу рассказать ему весь мой характеръ, всѣ мои привычки, наклонности, образъ мысли, словомъ весь мой нравъ, развѣ только..., впрочемъ онъ самъ увидитъ, что я изъ трезвыхъ людей? Не могу скрывать отъ васъ, что я не могу ограничиться только однимъ формальнымъ преподаваніемъ уроковъ, а буду стараться, по возможности, развивать въ нихъ мысли народности, тоже любовь къ Славянамъ, словомъ, быть, можетъ, они сдѣлаются маленькими Славянолюбцами. Я видѣлъ возрастъ дѣтей, и поэтому скажу вамъ, что я смѣло берусь за это дѣло, и не краснѣя буду преподавать имъ все нужное; что же касается математическихъ наукъ, то я могу преподавать имъ чтѣ требуется до 6 кл. гимназіи, т.-е. первоначальную математику...

Итакъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я желаю имѣть это мѣсто по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я желаю отказаться отъ Славянскаго Комитета не потому, что этого требуетъ моя гордость, а потому, что мысль тревожить мой духъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исчезнетъ и займется другою болѣе отрадною и спасительною. Я хочу сказать слѣдующее. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда мой отецъ былъ принужденъ бросить свое семейство и оставить его на моихъ рукахъ безъ ничего, и я могъ на родинѣ не оставить безъ куса хлѣба мать, сестру и меньшого брата. Теперь же скоро стукнетъ мнѣ 24 годъ, и меня другой одѣваетъ, кормитъ и воспитываетъ; вѣдь... это немного тяжело, тѣмъ болѣе, что еще не извѣстно... ли выдавать мнѣ пособіе отъ Славянскаго комитета, но это дѣло еще впереди, и если только обстоятельства позволятъ мнѣ жить, то тогда убѣдятся мои благодѣтели, стоилъ ли я 1,200 руб. сер., которыя потребуются для моего образованія.

Во-вторыхъ, мнѣ необходимо сберечь какую-нибудь деньгу на черный день, а этотъ черный день ни за горами. Скоро мнѣ придется разстаться съ Москвою и уѣхать въ Турцію, гдѣ у меня нѣтъ ничего. Отецъ мой постоянно твердилъ правило: „если ты умный, то ты самъ себя приобрѣтешь денегъ, средство для жизни, а если ты выйдешь негодяемъ, то нисколько не поможетъ тебѣ твое наслѣдство, оставленное тебѣ мною“... Такое и подобное тому правила, спикуреизмъ и цинизмъ его заставляли его не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Такъ что не только меня онъ оставилъ нищимъ (я не краснѣе говорю это всѣмъ), но и все семейство, а чтѣ печальнѣе, единственную свою дочь, мою же сестру... Такимъ образомъ, когда я уѣду, мнѣ необхо-

димо имѣть въ карманѣ путевыхъ издержекъ еще, по крайней мѣрѣ, 200 руб. сер., пока я тамъ найду себѣ мѣсто или въ случаѣ опасности (которая съ каждымъ годомъ въ Турціи увеличивается), я съ ними могъ бы бѣжать. Какъ вы видите, Петръ Ивановичъ, въ этихъ короткихъ словахъ заканчивается цѣлая исторія. Да, кромѣ того, мысль, что мы Болгаре, не имѣемъ литературы, убійственна для меня. Ну и буду издавать какую-нибудь Краледворскую рукопись, какой-нибудь Братскій Трудъ, на трудовыхъ деньгахъ. Понятно вамъ теперь почему я желаю найти себѣ мѣсто. Если вы замѣчали какъ дитя радуется, когда ему покупаютъ игрушку или дѣлаютъ ему обновку, такъ и я вчера радовался при полученіи вашей записки, хотя это признакъ не очень твердаго характера. Вѣдь это бываетъ, я думаю, со многими. Итакъ, распростившись съ помѣщикомъ, я пошелъ прямо въ театръ, гдѣ смотрѣлъ Долгорукова и Пушкина не хорошо выполненныхъ да еще „Крестницу“—очень, очень милое произведеніе Плещеева, котораго зрители вызывали 3 раза съ продолжительными рукоплесканіями. До свиданія, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, и будьте увѣрены въ моей къ вамъ признательности.

Весь вашъ К. Жинзифовъ.

1862 г. Мая 18.

Москва.

•

Петръ Ивановичъ!

Пишу къ вамъ подѣ вліяніемъ извѣстнаго вамъ настроенія души моей, но сперва скажу вамъ на счетъ Библиотеки, что она находится въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ вы ея оставили, стало быть вамъ нечего беспокоится съ этой стороны, потому что, я думаю, что вы увѣрены въ томъ, что я честно исполняю все, чтò вы мнѣ поручили. Вчера принесли пожарную трубу, которая поставлена, гдѣ слѣдовало. Взявши расписку, я отдалъ принесшему трубу 30 р. с. Ни одинъ ни другой изъ переплетчиковъ пока еще не явился. Я обыкновенно встаю въ 7 час. утра и съ 8 до 2 постоянно нахожусь въ Библиотекѣ, потомъ уже, заперши окна и двери, ухожу, а возвращаюсь въ 10 ч. веч.; по крайней мѣрѣ эти два дня такъ. Разумѣется, что окна отпираются только при хорошей погодѣ, которая вчера была непостоянна, какъ женщина образованнаго Парижа. А если вы находите, что нужно мнѣ побольше сидѣть въ Библиотекѣ, то пожалуйста вы мнѣ напишите. Итакъ, повторяю, будьте покойны на счетъ Библиотеки, о которой я буду писать къ вамъ два раза въ недѣлю. Теперь позвольте мнѣ описать вамъ въ короткихъ словахъ, какъ провожу я остальную часть дня.

Выходя изъ великолѣпнаго дома, я отправляюсь обѣдать, а потомъ прогуливаюсь съ намѣреніемъ изучать „цивилизацию“ XIX в. и „прогрессъ“ женщинъ. Наблюдая надъ разными явленіями городской жизни и разсуждая долго, я вывожу невольное заключеніе, что нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ прогресса, а есть... (сдѣлайте филол. переходъ буквы *ц* въ *с* и *в* въ *ф*). Ужасно, но, по моему, это на самомъ дѣлѣ такъ. Сажу я на скамейкѣ, и вотъ проходитъ Гарибальди съ пѣтушьими перьями, другія съ гусиными, другія не знаю съ какими еще перьями разнаго цвѣта, доходящими до смѣшнаго, одѣтыя въ платья всевозможнаго покроя, произведеніе, доходящее до безобразія, образованнаго Парижа. Вотъ двѣ обхватили своими руками одного, а ихъ головы-Гарибальди опираются на грудь его; вотъ двое провожаютъ подъ руку одну, которой говорятъ разныя любезности; вотъ и маменька вывела своихъ дочерей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и строить воздушные замки, вотъ и красавица, захватившая своимъ кринолиномъ цѣлую скамейку, курить папиросу съ улыбкою, въ которой такъ и видна пошлость, а по другимъ пріятность и любезность, вотъ къ ней подходитъ ея знакомая и освѣдомляется на счетъ ея наряда, сколько стоитъ и у кого заказано, а въ результатъ оно выходитъ, что это подарокъ милаго и добраго N. N.

